

Ночь накрыла столицу темнотой и прохладой, выманивая наружу существ с той стороны мира — призрачные тени струились по улицам, тянулись к зажженным огням и человеческим душам.

Генпачи стоял на своем излюбленном месте — стальной вышке на самой окраине города, смотрел на улицы внизу — яркие, переливающиеся разноцветными огнями, и думал, что давно привык к этому виду. Сверху и со стороны, будто он сам не принадлежал всей этой жизни.

Мысль была неприятна.

Генпачи никогда не считал себя чудовищем. Да, там, на Севере, они с Кобунго получили нечто страшное и чуждое, изменились сами, но все это время Генпачи старался жить по привычным меркам. У Кобунго это получалось лучше, но что уж поделать — названный брат вообще умел вписываться любую ситуацию.

Генпачи же приходилось искать равновесие между той и этой стороной, находить мостки, соединяющие мир людей и духов, и существовать в обоих.

Пожалуй, сейчас он не принадлежал ни тем, ни другим. Наверное, так было даже правильно.

Кобунго подлетел сбоку, прерывая внезапные размышления и сбивая настрой.

— Я никого не нашел, братюнь. И духи твои говорят, что пока все глухо.

— Они с тобой разговаривали? — вскинулся Генпачи.

— Они иногда подходят, — признался Кобунго, — но я делаю вид, что не замечаю.

Генпачи промолчал. Он старался оградить названного брата от этих встреч, но получалось не всегда.

— Ты не волнуйся, — добавил Кобунго, как всегда правильно истолковав его молчание, — ничего страшного они мне не сделают. Я же вижу, что у тебя все хорошо. Наверное, с этими ребятами действительно можно договориться.

— Ты не должен, если не хочешь, — сказал Генпачи.

— Ты тоже никому ничего не должен, — улыбнулся Кобунго, сверкнув клыками в тусклом свете растущей луны.

Генпачи хмыкнул и взмахнул крыльями, ловя поток ветра. Ветер пах ночью, сыростью, холодом, немного чужой страстью и очень много — примитивным голодом.

— Поохотимся еще? — предложил он. Кобунго кивнул.

В конце концов, кому-то надо было этим заниматься.

Когда они вернулись в «Конаю», в гостинице было уже тихо и сонно. И только Соске сидел на крыльце — босоногий, в строгих брюках и расстегнутой до половины рубашке.

Кобунго кивнул ему и легко похлопал по плечу, пройдя мимо внутрь дома. Генпачи присел

рядом.

— Шино спит?

Сейчас, ночью, Соске ощущался почти как обычный человек. Спокойный, уверенный в себе и очень усталый.

— Спит, — тихо сказал он. — Спасибо, что разрешили остаться.

Генпачи только плечом дернул: чего уж там.

— Шино настаивал на участии в поисках не только из-за Ао, — казал Соске, глядя куда-то в звездное небо. — Тогда, с Кохаку, это он сделал ее такой.

— Шино превратил ее в демона? — уточнил Генпачи. Соске мотнул головой.

— Нет, Шино дал ей мечту и желание жить дальше. Надежду, что она не одна. Ао просто воспользовался всем этим.

Генпачи подумал.

— Но это же не его вина.

— Он подтолкнул ее к выбору, — возразил Соске. — Он вообще постоянно влияет на людей, которые общаются с ним. На всех.

— На тебя больше всех, — улыбнулся Генпачи. Соске ответил неожиданно серьезно:

— Меня он меняет постоянно. Иногда мне кажется, что я уже совсем не тот, каким был до всего этого. Я ничего не решаю сам, всего лишь отвечая желаниям Шино.

Генпачи поднялся на ноги и сказал, глядя сверху вниз в строгое, почти печальное, лицо:

— Ты единственный смог вернуть ему человеческий облик. Тогда он услышал только тебя, не забывая об этом.

Хлопнул Соске по плечу, совсем как Кобунго до этого, и ушел в свою комнату.

В тот день, когда Тамадзуса напала на них и Мурасаме взбесился, Генпачи впервые понял — ощутил до конца — какую же страшную сущность носит в себе Шино. И пусть обычно эта парочка выглядела как лохматый пацан с вороной на плече, внутри все было гораздо серьезнее и больше.

Тогда и там Генпачи испугался. Не столько силы Мурасаме, хоть она и превосходила его собственную в разы, не оставляя никакого шанса, но более того, что они потеряют Шино навсегда. Потому что противостоять этому — чужому и громадному, требующему крови и жизни, — было практически невозможно.

А Соске не испугался. И не отступил. Потому что до последнего верил в Шино, верил в то, что тот вернется к нему, в привычную человеческую жизнь. И Шино действительно смог.

Эти двое влияли друг на друга равноценно. И зависели друг от друга одинаково, просто это становилось понятно далеко не сразу. И сейчас им всем пора было поверить в это.

Вот так и Генпачи пора было принять то, что его жизнь давно поделилась поровну между миром людей и духов. И перестать выбирать кого-то из них.

<http://tl.rulate.ru/book/75315/2161947>